

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ЭТНОЛОГИИ

© Н.Н. Серегин, В.В. Тишин

ОБ УЙГУРСКОМ КОМПОНЕНТЕ В СЛОЖЕНИИ КИМАКСКОГО ПЛЕМЕННОГО СОЮЗА

Ключевые слова: уйгуры, кимаки, этнокультурные процессы, миграции, Монголия, Восточный Казахстан, письменные источники, археологические материалы

В статье специально рассматривается вопрос об участии в формировании Кимакского каганата кочевнических групп, бывших до этого в составе Уйгурского каганата и мигрировавших на запад после его падения. Авторами статьи предпринята попытка комплексного анализа письменных источников и археологических материалов. Несмотря на скудость письменных источников, сопоставление текстов различного происхождения позволяет с определенной долей вероятности видеть в составе племенных подразделений как *уйгуров*, так и *кимаков* (этноним *эймюр*). Другим важным моментом является фиксация этнонима *йугур* как искаженной формы **уйгур* в связи с упоминанием *кимаков*. Анализ новых материалов раскопок раннесредневековых памятников Монголии, предположительно связываемых с *уйгурами*, показал наличие ряда общих черт с комплексами *кимаков* Восточного Казахстана. Очевидно, что продолжение археологических исследований объектов последней четверти I тыс. н.э. позволит существенным образом расширить и конкретизировать представления о сложных процессах культурогенеза, происходивших в центрально-азиатском регионе.

Едва ли можно сказать, что факт существования в евразийских степях в IX–XI вв. политического объединения, именуемого в науке “Кимакский каганат”¹, получил достаточное освещение в историографии. Число обобщающих работ невелико (Кумеков 1972; Golden 1992: 202–205; 2002), что обусловлено преимущественно са-

Николай Николаевич Серегин | <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127> | nikolay-seregin@mail.ru | к.и.н., ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая | Алтайский государственный университет (пр. Ленина 61, Барнаул, 656049, Россия)

Владимир Владимирович Тишин | <https://orcid.org/0000-0001-7344-0996> | tihij-511@mail.ru | к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии | Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, 670047, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Государственное задание Алтайского государственного университета [проект № 33.867.2017/ПЧ] Комплексная программа фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2 [№ АААА-А17-117021310264-4]

Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 117–133. <https://doi.org/10.31857/S086954150004183-1>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

ним характером источниковой базы. Среди прочих наиболее дискуссионным на сегодняшний день остается вопрос о формировании кимакского племенного объединения — о механизмах этого процесса, компонентах, принявших в нем участие, и наконец о точной хронологии сложения политического союза.

Безусловно, этногенетические процессы, если речь заходит об объединениях кочевников, представляются гораздо более сложными, нежели у оседло-земледельческих народов. Численность и состав любых кочевнических групп варьируются во временной динамике под влиянием экологических и политических факторов, обуславливая текучесть и гибкость социальной организации, и по этой причине они могут рассматриваться скорее как политические, нежели как этнические объединения (Németh 1991: 25–47).

В сочинении персидского автора Абū Са‘ūда Гардūзī “Зайн ал-ахбār” (“Украшение известий”), составленном в 60-х годах XI в., приведена генеалогическая легенда кимаков (كيماك [kymāk]), в некоторых местах كيمياك [kymyāk]), где среди имен основателей семи племен (قبيلة [qbylh]), составивших затем союз, названы *имак* (ايماك [ymāk]) и *ими* (ايمي [yму]) (Бартольд 1973: 26–27 [перс. текст], 43–44 [рус. перевод]; ср.: Marquart 1914: 89–91; Martínez 1982: 120–121, 123). Несмотря на ряд “народных этимологий” (Бартольд 1973: 44 [прим. 14]; Czeglédy 1973: 259; Зуев 2004: 18), в сущности, это источник, отражающий такое событие, как миграция группы племен на Иртыш и образование там племенного объединения кимаков. Существуют различные версии датировки этой миграции.

Й. Маркварт на основе анализа встречающихся в легенде титулов и этнонимов датировал образование кимакского племенного объединения началом VIII в. (Marquart 1914: 95). Турецкий исследователь Ф. Сюмер на основе нескольких некорректных сопоставлений этнонимов пишет о существовании группировки кимаков между реками Иртыш и Кем (Енисей) уже в VIII в., а миграцию на Иртыш других племен относит к IX в. (Sümer 1972: 27–28, 31–32). Как отметил Б.Е. Кумеков, в становлении Кимакского каганата могли принимать непосредственное участие группы населения Уйгурского каганата, мигрировавшие после его падения в 840 г. на северо-запад, где присоединились к ядру уже образовавшегося кимакского объединения (Кумеков 1972: 37–39, 42, 46–47, 112–113, 114). По мнению К. Цегледи, рассказ Гардūзī может относиться к событиям, имевшим место в промежутке 745–766 гг. (Czeglédy 1973: 263–267). Предложенная венгерским исследователем датировка в целом, как показал П.Б. Лурье, подтверждается некоторыми косвенными данными (Lurje 2007: 189–190). При этом нужно отметить, что “тюркские сюжеты” К. Цегледи датировал лишь на основе данных о племенах *карлук* и *йагма*.

Работающий в Венгрии японский исследователь Сэнга Тору датирует начало миграции кимаков с территории Монгольского Алтая на запад 80-ми годами VII в.; в середине VIII в. в их состав вливаются *татары* и *кыпчаки* (Senga 1997: 184–185). С.М. Ахинжанов считает, что кимаки сформировались в VI–VII вв. на Алтае (видимо, на территории Монгольского Алтая), являясь окраинным владением Западно-тюркского каганата, от которого отпали после его крушения в 704 г., а в период существования Уйгурского каганата они были самостоятельны (Ахинжанов 1995: 101–109, 112–114, 120). Казахстанский исследователь в целом солидарен с Б.Е. Кумековым, относя миграцию этой группировки на Иртыш ко второй половине IX в.; он добавляет лишь гипотезу об их переселении в составе волны племен, часть которой двинулась с территории Маньчжурии (Ахинжанов 1995: 150–153). Американский специалист П.Б. Голден, поставивший под сомнение последнюю гипотезу (Golden 2002), также предложил вариант, согласно которому формирование основы кимакского объединения относится к последней четверти VIII в.; затем, после 840 г., к ним присоединились уйгурские компоненты (Golden 2011: 320). Турецкий синолог А. Ташагыл также относит образование кимакского объединения во главе с шадом

к 656 г., а присоединение к нему племен, входивших в Уйгурский каганат, — после 840 г. (*Taşğıl* 2004: 86).

Ю.А. Зуев, специально обратившийся к содержанию легенды, приводимой Гардүзи, соотнес все описываемые там сюжеты с периодом падения каганата *се-янь-то* (薛延陀) во второй половине 40-х годов VII вв. (Зуев 2002: 126–135; 2004: 17–21).

Не касаясь специально дискуссионных вопросов о начальном этапе формирования племенного объединения *кимаков*, можно с уверенностью сказать лишь то, что единодушие исследователей по поводу участия “уйгурских элементов” в сложении того облика кимакского объединения, в котором оно предстает в сочинении автора XI в., имеет все основания. Речь идет об одной из племенных группировок, известной сначала в составе непосредственно *уйгуров* VIII–IX вв., затем — в объединении *кимаков*, упоминание которой у Гардүзи и дало повод говорить о 840 г. как одной из ключевых дат в истории кимакского племенного объединения.

Поскольку возможности изучения письменных источников несколько ограничены, дальнейшие перспективы решения проблем реконструкции сложных этногенетических процессов в значительной степени связаны с анализом археологических материалов. К настоящему времени накоплен довольно значительный объем сведений, демонстрирующий особенности формирования и развития различных групп *номадов* центрально-азиатского региона, а также отражающий миграционные процессы в конкретные хронологические периоды. Особое значение имеют материалы раскопок последних лет на территории Монголии, все еще известные лишь узкому кругу специалистов и не включенные полноценно в существующие исследовательские концепции. Важно отметить, что до сих пор отсутствует опыт целенаправленного изучения вопроса о сложении общности *кимаков* на основе археологических материалов. Не менее проблематичным остается вопрос выделения собственно уйгурских памятников из числа прочих, кратко представленный в одном из разделов настоящей статьи. Вместе с тем сравнительный анализ имеющихся археологических материалов (а именно результатов раскопок погребальных комплексов двух обозначенных общностей) позволяет рассмотреть возможность участия отдельных групп населения Уйгурского каганата в сложении объединения *кимаков*.

Данные письменных источников

Письменные источники дают косвенный и при этом достаточно скудный материал, позволяющий выявить связь древних *уйгуров* и более поздних *кимаков*. Фактически речь идет лишь о совпадении одного из этнонимов, фрагментарность данных о носителях которого не позволяет восстановить целостной картины их истории, что, однако, отчасти компенсируется возможностью сопоставления контекста их упоминания в различных источниках.

Список племен *те-лэ* (鐵勒) — что являлось лишь обобщающим названием степных племен от Маньчжурии до Каспийского моря (*Малаякин* 1981: 28, 83 [комм. 29]), — только в “Цзю Тан шу” предстает в варианте, в котором речь идет о конкретных племенах, населявших территорию степей Центральной Азии и в дальнейшем фигурирующих в китайских источниках как самостоятельные политические единицы. Этот список, по ошибке попавший затем в раздел “Синь Тан шу” об *уйгурах* (*хуэй-хэ* 回纥), содержит 15 наименований *син* (姓). Обозначенные там как *юань-хэ* (袁纥) *уйгуры* изначально включали девять подразделений (*ши* 氏); в начале VII в. они, представляющие в суйский период как *вэй-хэ* (韋纥), впервые объединили несколько племен, для обозначения которых использовалась транскрипция *хуэй-хэ* (回纥); иными словами, термин *уйгур* впервые приобрел также и расширительное значение (*Малаякин* 1981: 28, 83, 84 [комм. 29]). Одним же из девяти подразделений, “родов” (*ши* 氏), собственно уйгуров было *си-я-у* (奚牙勿) (вар. *ай-е-у* 愛邪勿)².

Уже Г. Шлегель реконструировал звучание последнего сочетания как *He-ya-but*, предполагая здесь возможную передачу *Eyamur?* (Schlegel 1896: 9). Ф. Хирт восстанавливал звучание *су-я-у* (奚牙勿) на основе кантонского диалекта как *Hai-se-mat* (Hirth 1899: 36). В. Хеннинг, рассматривая хотано-сакский документ X в., сопоставил упомянутое там племенное название *ayavürä/*ayabürä* с племенным названием из китайских источников (< **γiei-ia-mjuat*), реконструируя здесь **eyübör* или **eyäbir* (Henning 1938: 556; Bailey 1949: 49). Б. Ögel отметил возможность связи этого звучания с огузским племенем *eymür* (Ögel 1951: 363 [dipnot 12]).

Дж. Гамильтону принадлежит наиболее последовательный анализ. Отмечая для *су-я-у* (奚牙勿) звучания **γiei-ia-mjuat* для VII в., **xiei-ya-mvür* для IX в., и для *ай-е-у* (愛邪勿) (имя уйгурского чиновника, 842 г.) звучание **äi-ia-mjuat* для VII в., привлекающая и хотано-сакскую форму, он реконструирует итоговое звучание **ayabür/*ayaβür/*ayatur* (Hamilton 1955: 4 [note 9]; Hamilton 1962: 44)³; ср. реконструкцию китайского звучания у Л. Лигети: < *(*h*)*eyübür* (Ligeti 1986: 337); ср. современные реконструкции: *су-я-у* (奚牙勿), пиньин. *xī-yá-wù* < ран. ср.-кит. **γej-ηai/ηe:-mut*, позд. ср.-кит. **χhjiä-j-ja:-ujyt/vut* (Pulleyblank 1991: 329, 354, 327), ср.-кит. **γiej-ηa-müt* (Старостин Б. Г.), ср.-кит. **γiei-ηa-mjwat* (Schuessler 2009: 120 [7–1a = K. 876], 52 [1–34ad = K. 37], 309 [30–19a = K. 503]); *ай-е-у* (愛邪勿), пиньин. *ài-yé-wù*, < ран. ср.-кит. **ʔaj^h-jia-mut*, позд. ср.-кит. **ʔaj^h-jia-ujyt/vut* (Pulleyblank 1991: 23, 363, 327), ср.-кит. **ʔaj^h-zja-müt* (Старостин б. г.), ср.-кит. **ʔaj-jia-mjwat* (Schuessler 2009: 306 [30–6a = K. 508], 56 [1–47ab = K. 47], 309 [30–19a = K. 503]).

Это наименование сопоставляется со следующим рядом: огузское племя *äjmür* (ایمر [ʔymr]) у Махмүда ал-Кашгарү, *äjmür* (ایمور [äymwr]) или *imür* (ایمور [ʔymwr]) (в зависимости от факта наличия или отсутствия *фатҳи* над *алифом*) у Рашид ад-Дүна ат-Табүба, туркменское племя *äjmür* (ایمر [ʔymr]) (вар. *ایمیر [äymyr]*, *ایمر [äymr]*) у Абү'л-Газү, а также *emreli* (письм. *imreli*) (ایمرالی [ymrāly], *ایمریلي [ymryly]*, *ایمرالی [mräly]*, *ایمیرایلی [ymyrāly]*) (< **ejmür eli*) у туркмен XIX в.; ср. также “тюркское” (рпк.) *anmur* (انمر [ʔnmr]) > **imur* (ایمر* [ʔymr]) у Фахр ад-Дүна Мубаракшәха (Marquart 1914: 96 [Anm. 7]; Кононов 1958: 51, 93 [прим. 100], ʔ¹ [прим. 9]; Брегель 1961: 17 [прим. 32]; Sümer 1972: 206 [dipnot 15]; Ögel 1993: 346 [dipnot 133]; Атанязов 1994: 84). Б.Е. Кумеков предлагает также корректировку для рукописи Гардүзү, исправляя упоминаемое им название **imi* (ایمی [ʔymy]) на **äjmür* ~ **äjmür* (ایمر* [ʔymr]) (Кумеков 1972: 37)⁴. Сенга Тору (Senga 1997: 186–187) читает как *ایمن** [ʔymn] < **İmen*, что отождествляет с упоминаемым в китайских источниках танской эпохи племени *янь-мо* (鹽莫), пиньин. *yán-mò*, что, однако, < ран. ср.-кит., позд. ср.-кит. **jiam-mak* (Pulleyblank 1991: 357, 218), ср.-кит. **jet-māk* (Старостин б. г.), ср.-кит. **jiäm-māk* (Schuessler 2009: 347 [36–5n = K. 609], 74 [2–40ad = K. 802]), < **jetäk* (Зуев 1962: 118). В китайских источниках это сочетание упоминается в составе личного имени предводителя, возглавлявшего некое объединение, обитавшее к северу от Алтая (Кюнер 1961: 54; Зуев 1962: 105–106; 2004: 3), а к середине VII в. — это уже название племенного объединения (Кюнер 1961: 55). Именно оно позже известно авторам XI в. — персидскому географу Гардүзү как *ایمāk* (*ymāk*), второе в списке племен кимаковского союза, и знатоку тюркских языков Махмүду ал-Қаїцгарү как *یمāk* (*ymāk*) в районе р. Иртыш, при том что автор не упоминает этноним *кимек*, — а затем фигурирует у различных авторов XII–XIV вв. как одно из кыпчакских племен (Marquart 1914: 157; Зуев 1962: 121–122; Кумеков 1972: 39–41, 87; Golden 1992: 202; 1995–1997: 121).

Вместе с тем Ю.А. Зуев предлагал видеть транскрипцию названия *эймюр* в кит. *а-янь* (阿豔) < **a-iam* (Зуев 1960: 101, 127 [комм. 78]); ср.: пиньин. *ā-yàn* < ран. ср.-кит. **ʔa-jiam^h*, позд. ср.-кит. **ʔa^h-jiam^h* (Pulleyblank 1991: 23, 363, 327), ср.-кит. **ʔä-jiam* (Schuessler 2009: 211 [18–1m = K. 1], 350 [36–13ab = K. 1247]). Это допустимо, но тогда вызывает дополнительные сложности объяснение появления финального /г/ (см.: Pelliot 1949: 195–197; Zeki Velidî Togan 1982: 52, 98–99 [dipnot 19]; Ögel 1993:

346–347, 365; Зуев 2002: 126–135; *Ercilasun* 2008: 21–22; см. также: *Marquart* 1914: 96), который в древнетюркский период может выступать лишь как “суффикс причастия аориста” (*Clauson* 1963: 145); ср. также у Ф. Рыбацки: хот.-сак. *ayavîrâ* < *aya-?* ≈ *ewâ* ~ *yewâ* ~ *yevâ* ‘Oguz (subtribe)’ + *-vîrâ* (*Rybatzki* 2006: 66), ср. авест. *vîra* ‘a man, person (as opposed to animals)’, др.-инд. (санскр.) *vîrâ-* ‘hero; (eminent) man; husband’, тох. А *wir* ‘young, fresh’, и т. п. (< праиндоевр. **uîh_hrós*, **uîro-s*, **wî-ro-* или **wîr-* ‘man, husband’) (*Encyclopedia* 1997: 366).

Если исходить из тюркской этимологии, здесь приходится предполагать лишь непродуктивный отглагольный аффикс *-mXr* (*Erdal* 1991: 389–390). Сложнее с подбором образующей основы — многие исследователи в своих гипотезах исходят из хорошо известных в древнетюркском лексическом фонде глагольных основ, содержащих переднеязычный зубной звонкий смычный /d/ (или его межзубный аллофон /δ/), не учитывая, что ни один случай с соответствием /d/ ~ /δ/ ~ /j/ в древнетюркский период достоверно не зафиксирован. Едва ли могут как-то помочь в реальной этимологизации этого названия и приводимые позднейшими авторами версии истолкования его значения. Ср. значение, приводимое Рашид ад-Дуном в персидской версии дестана об Огуз кагане: “имеет много воинов и богатый”; ср.: «*Язычиоглу* — “будь очень добрым господином”»; Березин И.Н. — “беспредельно хороший и могущественный”; “Сборник летописей” — “да будет безгранично добрым и богатым”; *Абу-л-Гази* — “богатеиший”» (см.: *Рашид ад-Дин* 1987: 66, 110 [прим. 55]).

По этим причинам приходится прибегать к гипотетическим корням. Здесь есть два возможных варианта. Так, ср. у Махмуда ал-Қашгару *äjmän* — “робеть, стыдиться, стесняться” (ДТС 1969: 167; *Clauson* 1972: 274–275), что позволяет восстановить **äj-* (неперех.) + *-mA-* + *-(X)n-*, где первый аффикс является показателем интенсификации действия, второй — медиального значения: “бояться, страшиться” > “смущаться”, “уклоняться” (*Севортян* 1974: 249–251).

Второй вариант предполагает основу **ej-* “следовать (за кем-л.)”, “сопутствовать”, “идти следом; преследовать” (< **“находиться позади”*), вычленимую в глаголе *ejär-* ~ *edär-* ~ *edär-* (*Севортян* 1974: 242–245). Хотя для памятников древнетюркской рунической письменности характерна форма с переднеязычным смычным /d/ (*Clauson* 1972: 67; *Erdal* 1991: 771), однако форма *ej-* в составе производных основ зафиксирована в ранних древнеуйгурских текстах (*Севортян* 1974: 244; см. также: *Clauson* 1972: 274; *Erdal* 2004: 334 [note 538]). Этот вариант видится более предпочтительным ввиду факта достоверной фиксации искомой основы и семантики аффикса, предполагающего образование отглагольных имен, обозначающих субъект действия, сохраняющий качественные характеристики, заложенные в производящей основе. Однако эта этимология не объясняет наличие второго гласного в хотано-сакской и реконструируемой среднекитайской формах, где также восстанавливается медиальный гласный перед /b/ (> /v/), гипотетическая первичность которого позволила бы объяснить характерный для древнетюркского периода переход /b/ > /m/ перед назальным согласным или между гласными (*Erdal* 2004: 62, 117). В этом случае следовало бы предполагать добавочный гласный, ввиду чего этимологизация, предложенная Дж. Гамильтоном (*Hamilton* 1962: 44) от *aja-* “беречь, содержать в порядке” (ДТС 1969: 25), «originally “to treat (a person *Acc.*) with respect, to honour; to preserve (a thing *Acc.*), to look after it carefully”» (*Clauson* 1972: 267–268) соответствует нормам морфонологии и коррелирует с “народными” этимологиями, зафиксированными в преданиях. Однако тогда возникает трудность при объяснении чтения с палатальным вокализмом у Махмуда ал-Қашгару. В таком случае, если семантика данного племенного названия, прослеживаемая в поздних источниках, может быть объяснена смешением (ср.: *Ögel* 1993: 347) с *ijä* “хозяин, господин (о боге)” (ДТС 1969: 205), «“properly master, owner”, but in Moslem texts

often “the Lord” (God)» (Clauson 1972: 41, статья *idi*), то природу перебоя /b/ ~ /m/ следует искать в каких-то диалектных особенностях (Erdal 1991: 86 [note 115]), учитывая первичность /m/ в том случае, если речь идет об аффиксе *-mXr*. Поэтому мы можем предположить: **ejär-* + *-mXr* > **ejärmir* > **ejämir* ~ **ejämür* (с синкопой) > *ejmir* ~ *ejmür* (о спорадическом выпадении /r/ в памятниках древнетюркской письменности см.: Erdal 2004: 111–112).

Получается *ejmir* ~ *ejmür*, с буквальным значением “сопутствующий; попутчик”, “сопровожающий”, “преследующий” > * “замыкающий”, * “арьергард (?)”. Ср. семантически близкое туркм. (гёклен, теке, салар) *гаравул* (Németh 1991: 90; Аманязов 1994: 47). Нельзя ли в качестве косвенного аргумента привлечь здесь и тот факт, что название *си-я-у* (奚牙勿) приводится в китайском тексте последним в списке девяти уйгурских родов/племен?

Наличие подразделения *эймюр* в племенной структуре сырдарьинских *огузов* может быть объяснено фактом миграции части населения Кимакского каганата после его падения (ср. также: *байандыр*) (Golden 2015: 516, 526)⁵.

Есть и другие косвенные сведения, позволяющие говорить о наличии выходцев из политического объединения *уйгур* в кимакской группировке. Так, ал-Мас‘ūdī (X в.) упоминает между Черным и Белым Иртышом владения *ملك [mmlk] كماك بيغور [kmāk by wr]*, или *كماك بيغور [kmāk yu wr]*, т.е. **kimāk yi ūr* (См.: *Hudūd al-‘Ālam* 1937: 310; Кумеков 1972: 38–39; Golden 1992: 202–203; 1995–1997: 103, 121). Допустимая метатеза в корне *juŷur* < *ujŷur* (Тенишев 1962: 59) позволяет видеть здесь известное название **ujŷur* > **juŷur* ~ **jiŷur*. “Худūd ал-‘Āлам” (посл. четв. X в.) упоминает область *кимаков* *ياسو ييسون [y. swŷ yāsŷw]*, что В. Минорский считает возможным исправить на *ياسو ييسون* **[y. wr yāsŷw]*, предполагая вместе с опиской *нун* вместо *ра’*, что мнимый *сүн* может быть длинным соединением между *гайн* и *вāv*; для чтения второго слова предлагается интерпретация через тюрк. *yasī* “broad, wide” > * “a plain” (*Hudūd al-‘Ālam* 1937: 100, 310).

Таким образом, здесь может иметь место тот случай, когда племенная группа, входящая в более крупное объединение, даже после его распада использует в качестве собственного наименования имя господствующей прежде группировки, фигурировавшее как название политического объединения.

В итоге весь имеющийся материал позволяет установить лишь то, что в сложении кимакского племенного объединения принимали участие по крайней мере две кочевнические группы, которые были зафиксированы в древнетюркский период в китайских источниках: *янь-мо* (鹽莫)/*йемек* и *си-я-у* (奚牙勿) ~ *ай-е-у* (愛邪勿)/*эй-юр*, вторая из которых прямо связана с группировкой *уйгур*.

Проблемы интерпретации археологических материалов

Изучение вопроса о возможном участии *уйгуров* в процессах культурогенеза *кимаков* требует привлечения археологических материалов. Логичным вариантом решения этого вопроса является сравнительный анализ памятников *кимаков* и *уйгуров*, прежде всего погребальных комплексов, наиболее полно отражающих этнокультурные процессы в регионе и демонстрирующих особенности обрядовой практики различных объединений кочевников. Однако при всей очевидности обозначенного пути реализация такого исследования серьезным образом затруднена рядом факторов.

К настоящему времени накоплен значительный объем материалов, демонстрирующих существование объединения *кимаков*. Различным аспектам изучения археологических комплексов кочевников данной общности посвящена серия работ (Могильников 1981; Акишев 1987: 115–246; и др.), периодически появляется информация о раскопках новых объектов. Известно, что результаты исследований захоронений

последней четверти I тыс. н.э. на территории Казахстана, к сожалению, зачастую не вводятся в научный оборот. Кроме того, до сих пор нет обобщающей работы, в которой предпринимался бы целенаправленный анализ всех имеющихся материалов по культуре *кимаков*. Вместе с тем даже опубликованных сведений вполне достаточно, чтобы полностью охарактеризовать особенности погребального обряда *номадов*.

Более проблемным направлением исследований является анализ археологических памятников *уйгуров*. На сегодняшний день большинством специалистов признается, что многие городища, раскопанные или выявленные на территории Монголии и Тувы (*Данилов 2004: 150–153*), принадлежали уйгурам. Идентификация же погребальных комплексов до сих пор остается неоднозначной. Дискуссионность данного вопроса определяет необходимость более подробного представления и анализа сформированных исследовательских позиций.

Одной из первых погребения *уйгуров* выделила Л.А. Евтюхова (*Евтюхова 1957*) по материалам исследований на территории Монголии. К памятникам *номадов* данной общности археолог отнесла изученные ею захоронения комплекса Орхон-Дель (*Евтюхова 1957: 220–225*). Основанием для этого стали находки фрагментов керамических сосудов с характерным орнаментом, имеющим аналогии в материалах раскопок уйгурских городищ. Из-за того что погребения были разграблены, Л.А. Евтюховой не удалось выделить черты обряда населения, оставившего обозначенные объекты. Вместе с тем спустя некоторое время Ю.С. Худяков, анализируя материалы раскопок комплекса Орхон-Дель, высказал предположение, что в исследованных могилах находились захоронения людей по обряду ингумации в сопровождении шкуры коня (*Худяков 1992: 14–15*). Очевидная дискуссионность трактовок отрывочных данных, признаваемая самим археологом, не помешала ему развить тезис о выделенных характерных особенностях обрядовой практики уйгуров.

Согласно публикациям Ю.С. Худякова (*Худяков 1992; 1994; и др.*), обрядовая практика уйгуров наиболее полно иллюстрируется материалами раскопок некрополей Минусинской котловины. Археолог отметил, что захоронения обозначенной группы населения очень близки традициям тюрок, отличаясь главным образом захоронением шкуры лошади.

Следует отметить, что концепция Ю.С. Худякова, за редким исключением (*Ковычев, Беломестнов 1986; Амзараков и др. 2015: 158*), не получила поддержки среди специалистов. Это связано не столько со сравнительно небольшим количеством захоронений второй половины I тыс. н.э. со шкурой лошади, сколько с дискуссионностью этнокультурной интерпретации подобных объектов. Данное обстоятельство довольно подробно представлено С.П. Нестеровым (*Нестеров 1990: 63–67*), который обратил внимание на то, что захоронения со шкурой лошади начали появляться в Алтае-Саянском регионе по крайней мере со скифской эпохи, а также отметил возможность рассмотрения подобных объектов, датирующихся второй половиной I тыс. н.э., как результата модификации обряда тюрок. К примеру, погребение по обряду ингумации со шкурой коня зафиксировано в Туве в составе одного комплекса с объектами, содержащими как стандартные могилы с полной тушей животного, так и “одиночные” захоронения (*Грач 1968: 106–107*). Кроме того, в Алтае-Саянском регионе и на ближайших сопредельных территориях к настоящему времени исследована представительная группа подобных объектов, интерпретируемых авторами раскопок по-разному — как комплексы *тюрок, уйгуров, кыпчаков, огузов, кимаков* и др. (*Соловьев 1999; Могильников 2002: 123; Амзараков и др. 2015; и др.*).

Альтернативная точка зрения по поводу выделения погребальных комплексов *уйгуров*, получившая даже большее распространение, была сформулирована Л.Р. Кызласовым и представлена в фундаментальном издании из серии “Археология СССР”, а также в ряде публикаций исследователя (*Кызласов 1969: 56–87; 1981;*

и др.). По его мнению, к рассматриваемой общности должны быть отнесены захоронения в катакомбах могильников Чааты-I и II в Туве. Впоследствии данная позиция получила поддержку и имела дальнейшее развитие в работах археологов. Тезис о том, что погребения в подбоях в культуре тюрок Тувы являются результатом влияния *уйгуров*, последовательно представлялся в публикациях Б.Б. Овчинниковой (Овчинникова 1984: 219). В работах других исследователей такой вариант интерпретации могил с боковой нишей распространялся и на памятники сопредельных территорий (Савинов 1984: 93; Нестеров 1985: 118; Алехин, Илюшин 1998: 211–212; и др.).

При этом следует обратить внимание на то, что в настоящее время культурно-хронологическая атрибуция комплекса Чааты не представляется однозначной. Впервые вопрос о необходимости пересмотра предложенной Л.Р. Кызласовым датировки памятника был поднят О.Б. Варламовым (Варламов 1987). По мнению исследователя, объекты этого некрополя относятся к “гунно-сарматскому” времени, а зафиксированная специфика погребального обряда (сооружение катакомбы под земляным курганом, кольцевая деформация черепов умерших и др.) указывает на западные аналоги. В развернутом виде данная точка зрения представлена в работе Ю.С. Худякова (Худяков 2006: 80–88), который предложил рассматривать могильники Чааты-I и II в рамках самостоятельной “чаатинской” археологической культуры второй четверти — середины I тыс. н.э. Происхождение традиций, зафиксированных в материалах данных памятников, Ю.С. Худяков (Худяков 2006: 83) связал с пришлым этносом, мигрировавшим на территорию Тувы из южных районов Центральной Азии. Предлагались и другие варианты интерпретации чаатинского комплекса (Азбелев 1991; Савинов 2006), не предполагающие их рассмотрение как непосредственно захоронений *уйгуров*. Что касается концепции Л.Р. Кызласова, то ее продолжают принимать во внимание некоторые исследователи, однако в настоящее время она рассматривается зачастую только в историографическом контексте.

Таким образом, обе основные концепции, в рамках которых предпринималась попытка идентификации указанных погребений как *уйгурских*, остаются дискуссионными, требуют дальнейшей проработки и не могут представлять собой основу для формирования исследовательских позиций в настоящее время⁶. Следует отметить, что в обоих случаях базовыми выступали памятники, раскопанные на периферии Уйгурской державы — в Туве и Минусинской котловине. Более перспективным представляется анализ материалов, полученных в ходе работ на территории Монголии, где находился центр каганата.

В последние годы в результате исследований монгольских археологов в центральной части страны получены довольно оригинальные материалы, демонстрирующие особую группу памятников второй половины I тыс. н.э. По мнению специалистов, они могут быть соотнесены с уйгурской культурой (Очир и др. 2008; Ochir et al. 2010; Эрдэнэбат и др. 2011; Эрдэнэболд 2011). Следует отметить, что большую часть рассматриваемых комплексов составляют явно “элитные” объекты, на основании которых сложно судить о погребальных традициях *уйгуров* в целом. Монгольские археологи отмечают несколько разновидностей этих сложных конструкций. В большинстве случаев объект представлял собой подземный склеп из кирпичей, к которому вел ступенчатый дромос. Это сооружение окружалось валом и рвом. В центре ограды на глиняной платформе возводилось некое подобие субургана или храма с крышей, украшенной черепицей. Вероятно, наземная конструкция предназначалась для жертвоприношений. Нельзя не отметить, что по ряду конструктивных характеристик, а также по наличию росписей эти объекты близки традициям китайской похоронной обрядности. Известно, что влияние элиты Поднебесной империи на погребально-поминальную практику кочевников второй половины I тыс. н.э. фиксируется и по другим материалам.

Судя по опубликованным материалам, наряду с “элитными” комплексами изучены и “рядовые” объекты, которые, по предварительным данным, также могут быть связаны с культурой *уйгуров*. Они отличаются меньшими размерами и упрощенной конструкцией. Эти памятники были разграблены, что не позволяет детально представить обряд оставившего их населения. Вместе с тем заметна одна их характерная особенность — наземные конструкции подквадратной формы в виде ограды-стенки (*Эрдэнэбат и др.* 2011: рис. 5, 11, 24, 26, 28 и др.).

Очевидно, что вопрос о культурной принадлежности таких памятников впоследствии будет неоднократно рассматриваться специалистами, особенно после полноценного введения в научный оборот всех материалов. Однако уже сейчас понятно, что новые результаты раскопок в Монголии представляют определенный интерес для разработки проблемы соотношении археологических комплексов *уйгуров* и *кимаков*.

Одним из типов наземных конструкций у *кимаков* Казахстана являлись подквадратные насыпи в виде ограды-стенки. Эти сооружения были различными, но отдельные объекты, отличающиеся широкой кладкой (*Акишев* 1987: рис. 62, 70–71), напоминают “упрощенный” вариант конструкций рассмотренных выше комплексов Монголии. Подобные ограды зафиксированы и на сопредельных с Казахстаном территориях Алтая (*Соловьев* 1999; *Могильников* 2002). Обратим внимание на то, что в отмеченных случаях подквадратные насыпи сочетались с захоронением по обряду ингумации со шкурой лошади — признаком, который, по мнению некоторых исследователей, демонстрирует традиции уйгуров.

Таким образом, предварительно можно говорить о том, что отдельные конструктивные особенности части объектов Монголии, связываемых с *уйгурами*, фиксируются в материалах раскопок некрополей *кимаков* Восточного Казахстана. Ранее подобные выводы о влиянии культуры *уйгуров* на традиции кочевников Верхнего Иртыша высказывались на основании фиксации у последних могил с подбоем (*Савинов* 1984). На сегодняшний день понятно, что захоронения в боковой нише во второй половине I тыс. н.э. получили распространение у многих групп племен и не были характерны для традиций какой-то одной группы населения. Анализ материалов раскопок Центральной Азии и сопредельных территорий последних веков I тыс. н.э. показывает сложность процессов взаимодействия различных племен кочевников, что в значительной степени было обусловлено их мобильностью после крушения империй кочевников. При этом становится понятно, что в состав политических союзов, в том числе Уйгурского и Кимакского каганатов, входили различные группы населения, имевшие разные ритуальные практики. Выделение этих традиций в “чистом” виде крайне проблематично, особенно учитывая фрагментарность имеющихся археологических материалов. Вместе с тем дальнейшие археологические исследования, а также детальный анализ уже накопленных материалов позволят конкретизировать сложные процессы формирования культуры *кимаков* и степень участия *уйгуров* в сложении новой общности.

* * *

Таким образом, данные, предоставляемые письменными источниками, не составляют целостной картины и только косвенно указывают, что зафиксированная в составе Кимакского каганата племенная группировка *эймюр* имеет связь с одноименным подразделением девятиплеменного уйгурского объединения. Развивая мысль о данном отождествлении, можно предположить, что после распада Уйгурского каганата какая-то часть группировки *эймюр* вместе с представителями другого древнетюркского племени *йемек* стали на какой-то стадии ядром нового политиче-

ского объединения. Таким же косвенным свидетельством наличия “уйгурского субстрата” в составе населения Кимаковского каганата предстает использование названия *йыгур* ~ *йугур* (< *уйгур*) относительно какой-то части *кимаков*. Судя по всему, это название *йугур* (يور يوغور *ywǧwr*, يوغور *yǧwr*) фигурировало в Восточном Казахстане, даже когда наименование *йемек* постепенно исчезло, вероятно, после второй половины XI в., когда его в значении названия группы кочевнических племен региона заменило наименование кыпчакской группировки *канглы*. По крайней мере название *йугур* встречается в источниках, данные которых затрагивают период последней четверти XII — второго десятилетия XIII вв., как этноним (или соционим?) и топоним, который пока еще не идентифицирован (см.: *Тимохин, Тишин* 2016: 30–34).

Имеющиеся археологические материалы также не дают однозначных ответов на вопрос об участии какой-то группы уйгурского населения в сложении общности *кимаков* или же в длительном процессе формирования этнокультурного многообразия этого объединения кочевников. В значительной степени это связано с состоянием источниковой базы. До сих пор не известны “ранние” комплексы *кимаков* Восточного Казахстана, анализ которых позволил бы зафиксировать местные и возможные пришлые компоненты новой общности. Еще более проблемным остается выделение некрополей *уйгуров*. Вместе с тем анализ новых материалов раскопок захоронений на территории Монголии, связываемых с *уйгурами*, предварительно позволяет наметить черты их сходства с погребальной обрядностью *кимаков*. Для подтверждения, развития или корректировки этого предположения необходимы дальнейшие исследования памятников Монголии, которые только начинают изучаться. Весьма перспективными представляются сравнительные палеоэтногенетические исследования материалов из уйгурских некрополей и погребальных комплексов *кимаков* Восточного Казахстана, которые позволят получить качественно новые сведения для реконструкции сложных процессов этнокультурного взаимодействия в центрально-азиатском регионе в последней четверти I тыс. н.э.

Благодарности

Работа Н.Н. Серегина выполнена в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект № 33.867.2017/ПЧ “Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии”); работа В.В. Тишина выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

Примечания

¹ Здесь и далее авторы, следуя русскоязычной традиции, сохраняют условное написание термина *кимак* (~ *кимакский*), по замечанию Б.Е. Кумекова “отражающего не его транскрипцию, а транслитерацию”. При этом в тех случаях, где возникнет необходимость использования транскрипции, будет использоваться форма *кимек* (*Кумеков* 1972: 33–34).

² Вслед за Хасимото Масукити и Катаяма Акио, Сенга Тору обосновывает гипотезу о том, что эти девять упомянутых названий, среди которых и *си-я-у* (奚牙勿), являются лишь фамилиями предводителей “девяти племен” (*цзю син* 九姓); в частности, это имя предводителя племени *гу-лунь-у-гу* (骨扈屋骨) (*Senga* 1990: 59–60; *Ekrem* 2015: 217–218).

³ Ср. также появившиеся, очевидно, в результате описок варианты: *си-се-у* (奚邪勿), *юань-е-у* (爰耶勿), *шоу-е-у* (受耶勿) (*Ekrem* 2015: 204).

⁴ Абӯ Са‘ūd Гардӯй, совершенно не владевший, как показал К. Цегледи, тюркскими языками, заимствовал, по мнению ученого, свои данные о тюрках из сочинения автора по имени Абӯ ‘Амр ‘Абдаллах ибн ал-Мукаффа‘ (720 — ок. 757) “Китаб руб‘ ад-дунйā”, завершеного его сыном (*Czeglédy* 1973: 259, 260–261, 263). П.Б. Лурье считает, что источником этих сведений был все-таки не сохранившийся до нашего времени труд Абӯ ‘Абд ‘Аллāха ал-Джайхāнī

(1-я пол. X в.) “Kitāb al-masālik wa al-mamālik”, или даже одноименный труд Ибн Хурдādбиха (IX в.) (*Lurje* 2007: 189–190), приводимый которым список тюркских племен с самым ранним упоминанием *кимаков* (کیمک [kymāk]) может восходить к VIII в. (*Жумеков* 1972: 36).

⁵ Отдельный интерес вызывает отмеченный И.В. Кормушиным момент, касающийся типологических сходств очертаний тамги *эймюров*, приводимой у Махмұда ал-Қайғарі, а также тамги на Суджинской стеле из Северной Монголии (“сын кыркыза”) и на надписях из долины р. Алаш в Западной Туве (“над перекрестьем”) (*Кормушин* 2008: 74 [рис. 3, 4], 75 [рис. 5, 6]). Вместе с тем Д. Кыдырали и Г. Бабаяров считают возможным видеть тамгу *эймюров* на стеле Шивээт Улаан (*Kıdralı, Babayar* 2015: 46–47, 62 (Levha IV)).

⁶ В разное время предлагались и другие варианты определения круга некрополей *уйгуров*, не выдержавшие проверки временем. В связи с ограниченным объемом статьи их рассмотрение не представляется возможным.

Источники и материалы

- Бартольд* 1973 — *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбār*> Приложение к “Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.” // *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука, 1973. Т. VIII: Работы по источниковедению. С. 23–62.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Шербака. Л.: Наука, 1969.
- Кононов* 1958 — *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского: исследование, тексты, перевод. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Кюнер* 1961 — *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961.
- Рашид ад-Дин* 1987 — *Рашид ад-Дин Фазлаллах.* Огуз-наме / Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Р.М. Шукюровой. Баку: Элм, 1987.
- Старостин* б.г. — [*Старостин С.А.*] Tower of Babel. <http://starling.rinet.ru/> (дата обращения: 27.02.2017).
- Севортян* 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974.
- Bailey* 1949 — *Bailey H.W.* A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantsou // *Asia Major* (New Series). 1949. Vol. 1. P. 28–52.
- Clauson* 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Encyclopedia 1997 — Encyclopedia of Indo-European Culture / Eds. J.P. Mallory, D.Q. Adams. L.: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.
- Hudūd al-‘Ālam* 1937 — *Hudūd al-‘Ālam*: “The Regions of the World”: A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. / Trans. V. Minorsky; pref. V.V. Barthold. L.: Luzac, 1937.
- Martinez* 1982 — *Martinez A.P.* Gardīzī’s Two Chapters on the Turks // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Т. II. P. 109–217.
- Pulleyblank* 1991 — *Pulleyblank E.G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991.
- Rybatzki* 2006 — *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006.
- Schuessler* 2009 — *Schuessler A.* Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: A Companion to Grammata Serica Recensa. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009.
- Zeki Velidi Togan* 1982 — *Zeki Velidi Togan A.* Oğuz destanı: Reşideddin Oğuznāmesi, tercüme ve tahlili. 2. bk. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1982.

Научная литература

- Азбелев П.П.* К исследованию культуры могильников Чааты I–II // Проблемы хронологии и периодизации в археологии / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л.: ЛГУ, 1991. С. 61–68.
- Алехин Ю.П., Илюшин А.М.* Уйгурские курганы IX–X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 207–219.

- Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Митько О.А., Поляков А.В.* Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 151–164.
- Акишев К.А.* (ред.) Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987.
- Атанязов С.* Этнонимы в туркменском языке. Ашгабат: Ылым, 1994.
- Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Изд. [2-е] испр. Алматы: Ылым, 1995.
- Брегель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX веке. М.: Восточная литература, 1961.
- Варламов О.Б.* О датировке “уйгурских” погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1987. Ч. II. С. 181–183.
- Грач А.Д.* Древнетюркские курганы на юге Тувы // Краткие сообщения Института археологии. 1968. Вып. 114. С. 105–111.
- Данилов С.В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
- Евтохова Л.А.* О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. № 2. С. 207–217.
- Зуев Ю.А.* Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (*бома, гуй, яньмо*) // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата: АН КазССР, 1962. С. 103–122.
- Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- Зуев Ю.А.* Каганат се-яньто и кимаки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // *Shygys*. 2004. № 2. С. 3–26.
- Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И.* Исследования в бассейне р. Онон // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1986. С. 151–154.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Кызласов Л.Р.* Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 52–54.
- Кумекоев Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Малаявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981.
- Могильников В.А.* Кимаки // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 43–45.
- Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002.
- Нестеров С.П.* Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.
- Нестеров С.П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990.
- Овчинникова Б.Б.* Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология / Отв. ред. И.Л. Кызласов. М.: Наука, 1984. С. 215–223.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б.* Уйгурын язгууртны бунхант булш // Археологийн суудлал. 2008. Т. XXVI. С. 328–368.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Савинов Д.Г.* Потомки козлыщев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 44–50.
- Соловьев А.И.* Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катунь // Древности Алтая / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. № 4. С. 123–133.
- Тенишев Э.Р.* Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // Советская этнография. 1962. № 1. С. 59–66.
- Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Хорезм, восточные кыпчаки и Волжская Булгария в конце XII — начале XIII вв. // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И.М. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 25–41.

- Худяков Ю.С.* Культура уйгуров Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1992.
- Худяков Ю.С.* Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. С. 85–95.
- Худяков Ю.С.* Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск: НГУ, 2006.
- Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б., Амарбилэг Ч.* Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон дов хэмээх газар 2010 онд хийсэн археологийн шинжилгээ // Археологийн суудал. 2011. Т. XXX. С. 147–190.
- Эрдэнэболд Л.* Исследование саркофагов уйгурских аристократов на территории Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 500–510.
- Clauson G.* The Name Uyğur // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1963. No. 3–4. P. 140–149.
- Czeplédy K.* Gardizi on the History of Central Asia (746–780 A.D.) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1973. T. XXVII. Fasc. 3. P. 257–267.
- Ekrem E.* Çin Kaynaklarında Dokuz Oğuz Meselesi: Sayısal Yapısı // Oğuzlar: Dilleri, Tarihleri ve Kültürleri. 5. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri / Eds. T. Gündüz, M. Cengiz. Ankara, 2015. S. 189–220.
- Ercilasun A.B.* Oğuz boy adlarının etimolojisi // Dil Araştırmaları Dergisi. 2008. Sayı 3. S. 9–25.
- Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.
- Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004.
- Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992.
- Golden P.B.* Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq Clans and Tribes // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–1997. Vol. IX. P. 99–122.
- Golden P.* Kabileleri Üzerine Notlar: Kimekler ve Yemekler // Türkler / Eds. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 757–766.
- Golden P.B.* The Shaping of the Cuman-Qıpchaqs // Golden P.B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / Ed. C. Hriban. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2011. P. 303–332.
- Golden P.B.* The Turkic World in Maḥmūd al-Kāshgharī // Complexity of Inter Action along the Eurasian Steppe Zone in The First Millennium CE / Eds. J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. P. 503–555.
- Hamilton J.R.* Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris: Presses Universitaires de France, 1955.
- Hamilton J.* Toquz-Oğuz et On-Uyğur // Journal Asiatique. 1962. T. CCL. Pt. 1. P. 23–63.
- Henning W.B.* Argi and the “Tokharians” // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1938. Vol. IX. Iss. 3. P. 545–571.
- Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1899. S. 1–140.
- Kıdralı D., Babayar G.* Türk Bengü Taşı: Şiveet-Ulaan Damgalı Anıtı. Astana: “Gılım” Yayınevi, 2015.
- Ligeti L.* A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.
- Lurje P.B.* Description of the Overland Route to China in Hudud al-'Alam: Dates of the Underlying Itinerary // Eurasian Studies (Ouya xuekan, 欧亚学刊). 2007. Vol. 6. P. 179–197.
- Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. S. 25–238.
- Németh Gy.* A honfoglaló Magyarság kialakulása // Közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.
- Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L.* Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia // The Silk Road. 2010. Vol. 8. P. 16–26.
- Ögel B.* Şine Usu Yazıtının Tarihi Önemi // Belleten. 1951. Cilt XV. Sayı 59. S. 361–376.
- Ögel B.* Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar). 2. bk. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1993. I. Cilt.

- Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de *Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (ār), -ur (ūr), -ir (ir)*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949.
- Schlegel G.* Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun. Helsingfors: Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 1896.
- Senga T.* The Toquz Oghuz Problem and the Origin of the Khazars // *Journal of Asian History*. 1990. Vol. 24. No. 1. P. 57–69.
- Senga T.* Megjegyzések a kimekek törzsszövetségének kialakulásához // *Antik Tanulmányok*. 1997. XLI. kötet. 1–2. szám. 175–193. o.
- Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. bk. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi, 1972.

Research Article

Seregin, N.N., and V.V. Tishin. On the Uyghur Component in the Formation of the Kimäk Tribal Union [Ob uigurskom komponente v slozhenii Kimakskogo plemennogo soiuza]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 1, pp. 117–133. <https://doi.org/10.31857/S086954150004183-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nikolai N. Seregin | orcid.org/0000-0002-8051-7127 | nikolay-seregin@mail.ru | Altai State University (61 Lenin Avenue, Barnaul, 656049, Russia)

Tishin V. Vladimir | orcid.org/0000-0001-7344-0996 | tihij-511@mail.ru | Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, Russia)

Keywords

Uyghurs, Kimeks, ethnocultural processes, migrations, Mongolia, East Kazakhstan, written sources, archaeological materials

Abstract

The article examines the problem of participation in the formation of the Kimäk Qaghanate of nomadic groups that were previously part of the population of the Uyghur Qaghanate and migrated westward after its dissolution. We have made an attempt at a comprehensive analysis both of written sources and of archaeological materials. Data provided by written sources are mostly scant; however, comparing texts of various traditions makes it possible, with a certain degree of probability, to find the ethnonym *Äymür* in the tribal subdivisions both of the Uyghurs and of the Kimäks. Another important point is the fixation of the ethnonym *Yughur*, as a modified form of **Uyghur*, in connection with the mention of the Kimäks in one of the texts. An analysis of the recent archaeological excavation data on early medieval monuments of Mongolia, supposedly associated with the Uyghurs, showed the presence of a number of common features shared with the Kimäk complexes of East Kazakhstan. Undoubtedly, the future archaeological research on objects of the last quarter of Ist millennium A.D. will allow us to significantly expand and refine knowledge and ideas about the complex cultural processes that had taken place in Central Eurasia.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Altai State University [no. 33.867.2017 / PC]

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences [XII.191.1.2; no. AAAA-A17-117021310264-4]

References

- Akhinzhanov, S.M. 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Qipchaqs in the Medieval History of Kazakhstan]. Almaty: Ghylym.
- Akishev, K.A., ed. 1987. *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi GES1987* [Archaeological Monuments in the Flood Zone of Shulbinskaya HPP]. Alma-Ata: Nauka.

- Alekhin, Yu.P., and A.M. Iliushin. 1998. Uigurskie kurgany 9–10 vv. na Rudnom Altae [Uighur Mounds of 9th–10th Centuries on the Rudny Altai]. In *Voprosy arkheologii Severnoi i Tsentral'noi Azii* [Questions in Archeology of North and Central Asia], edited by A.I. Martynov, 207–219. Kemerovo: Izdatel'stvo KuzGTU.
- Amzarakov, P.B., I.P. Lazaretov, O.A. Mit'ko, and A.V. Poliakov. 2015. Etnokul'turnaia prindlezhnost' srednevekovogo zakhoroneniia so shkuroi konia v doline reki Idzhim v Zapadnom Saiane [Ethnocultural Affiliation of a Medieval Burial with the Skin of a Horse in the Valley of the Ijim River in the Western Sayan]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta: Istorii, filologii* 14 (7): 151–164.
- Ataniiazov, S. 1994. *Etonimy v turkmenskom iazyke* [Ethnonyms in Turkmen]. Ashgabat: Ylym.
- Azbelev, A.A. 1991. K issledovaniiu kul'tury mogil'nikov Chaaty I–II [To the Study of the Culture of the Cemeteries of the Chaaty I–II]. In *Problemy khronologii i periodizatsii v arkheologii* [Problems of Chronology and Periodization in Archeology], edited by A.N. Kirpichnikov, 61–68. Leningrad: Izdatel'stvo LGU.
- Bregel, Yu.E. 1961. *Khorezmskie turkmeny v 19 veke* [Turkmens of Khorezm in 19th Century]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Clauson, G. 1963. The Name Uyğur. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 3/4: 140–149.
- Czeglédy, K. 1973. Gardizi on the History of Central Asia (746–780 A.D.). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* XXVII (3): 257–267.
- Danilov, S.V. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii* [Cities in the Nomadic Societies of Central Asia]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN.
- Ekrem, E. 2015. Çin Kaynaklarında Dokuz Oğuz Meselesi: Sayısal Yapısı [Issue on the Nine Oghuz in the Chinese Sources: Social Organization]. In *Oğuzlar: Dilleri, Tarihleri ve Kültürleri. 5. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri* [The Oghuz: Their Language, History and Cultures. Papers of the 5th International Turkish Studies Symposium], edited by T. Gündüz and M. Cengiz, 189–220. Ankara.
- Ercilasun, A.B. 2008. Oğuz boy adlarının etimolojisi [An Etymology of Oghuz Tribal Names]. *Dil Araştırmaları Dergisi* 3: 9–25.
- Erdal, M. 1991. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*, I–II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.
- Erdal, M. 2004. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill.
- Erdenebat, U., Z. Batsaikhan, B. Dashdorzh, and Ch. Amarbileg. 2011. Arkhangai aimgiin Khotont sumyn nutag Olon dov khemeekh gazar 2010 ond khiisen arkheologiin shinzhilgee [Archaeological Survey Conducted in 2010 in the Multi-zone Area of the Khoton Somon of the Archangay Aimak]. *Arkheologiin suudlal* 30: 147–190.
- Erdenebold, L. 2011. Issledovanie sarkofagov uigurskikh aristokratov na territorii Mongolii [Study of the Sarcophagi of Uighur Aristocrats in Mongolia]. In *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia], edited by A.V. Kharinskii, 500–510. Irkutsk: Izdatel'stvo IrGTU.
- Evtiukhova, L.A. 1957. O plemenakh Tsentral'noi Mongolii v 9 v. [About the Tribes of Central Mongolia in the 9th Century]. *Sovetskaia arkheologiya* 2: 207–217.
- Golden, P. 2002. Kabileleri Üzerine Notlar: Kimekler ve Yemekler [Notes on Tribes: Kimeks and Yemeks]. In *Türkler* [Turks], edited by H.C. Güzel, K. Çiçek, and S. Koca, 2: 757–766. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları.
- Golden, P.B. 1992. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992.
- Golden, P.B. 1995–1997. Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq Clans and Tribes. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 9: 99–122.
- Golden, P.B. 2011. The Shaping of the Cuman-Qıpchaqs. In *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppe*, edited by C. Hriban, 303–332. București: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei.
- Golden, P.B. 2015. The Turkic World in Maḥmūd al-Kāshgharī. In, eds. *Complexity of Inter Action along the Eurasian Steppe Zone in The First Millennium CE*, edited by J. Bemmann and M. Schmauder, 503–555. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn.
- Grach, A.D. 1968. Drevneturkskie kurgany na iuge Tuvy [Ancient Turkic Mounds in the South of Tuva]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* 114: 105–111.

- Hamilton, J. 1962. Toquz-Oğuz et On-Uyğur [Toquz-Oğuz and On-Uyğur]. *Journal Asiatique* CCL (1): 23–63.
- Hamilton, J.R. 1955. *Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois* [Uighurs in the Period of the Five Dynasties according to Chinese Documents]. Paris: Presses Universitaires de France.
- Henning, W.B. 1938. Argi and the “Tokharians”. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* IX (3): 545–571.
- Hirth, F. 1899. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen [Postscript to the Inscription of Tonyuquq. Contributions to the History of the Eastern Turks in the 7th and 8th centuries According to Chinese Sources]. In *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge* [Old Turkic Inscriptions of Mongolia. Second Sequel], edited by W. Radloff, 1–140. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Khudiakov, Yu.S. 1992. *Kul'tura uigurov Tsentral'noi Azii* [Culture of the Uighurs of Central Asia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- Khudiakov, Yu.S. 1994. Tiurki i uigury v Minusinskoj kotlovine [Turks and Uighurs in the Minusinsk Basin]. In *Etnokul'turnye protsessy v Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v 1–2 tysyacheletii n.e.* [Ethno-cultural Processes in South Siberia and Central Asia in the 1st–2nd millennium AD], edited by A.I. Martynov, 85–95. Kemerovo: Izdatel'stvo KemGU.
- Khudiakov, Yu.S. 2006. *Arkheologiiia Iuzhnoi Sibiri khunno-sian'biiskoi epokhi* [Archeology of Southern Siberia of the Hunno-Sianbi Era]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- Kıdıralı, D., and G. Babayar. 2015. *Türk Bengü Taşı: Şiveet-Ulaan Damgalı Anıtı* [Turkic Eternal Stone: Şiveet-Ulaan Stamped Monument]. Astana: “Gılım” Yayınevi, 2015.
- Kormushin, I.V. 2008. *Tiurkskie eniseiskie epitafii: grammatika, tekstologiiia* [Turkic Yenisei Epitaphs: A Grammar, Textology]. Moscow: Nauka, 2008.
- Kovychev, E.V. and G.I. Belomestnov. 1986. Issledovaniia v basseine r. Onon [Research in the Basin of the Onon River]. In *Pamiatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of Ancient Cultures of Siberia and the Far East], edited by A.P. Derevianko, 151–154. Novosibirsk: Nauka.
- Kumekov, B.E. 1971. *Gosudarstvo kimakov 9–11 vv. po arabskim istochnikam* [The Kimek State in 9th–11th Centuries According to Arabic Sources]. Alma-Ata: Nauka, 1972.
- Kyzlasov, L.R. 1969. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Kyzlasov, L.R. 1981. Kul'tura drevnikh uigur (7–9 vv.) [Culture of ancient Uighurs (7th–9th centuries)]. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages], edited by S.A. Pletneva, 52–54. Moscow: Nauka.
- Ligeti, L. 1986. *A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban* [The Turkic Connections of the Hungarian Language before the Conquest and during the Árpád Dynasty]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Lurje, P.B. 2007. Description of the Overland Route to China in Hudud al-'Alam: Dates of the Underlying Itinerary. *Eurasian Studies (Ouya xuekan, 欧亚学刊)* 6: 179–197.
- Maliavkin, A.G. 1981. *Istoricheskaia geografiia Tsentral'noi Azii (materialy i issledovaniia)* [A Historical Geography of Central Asia (Materials and Analysis)]. Novosibirsk: Nauka.
- Marquart, J. 1914. Über das Volkstum der Komanen [On the Origin of Cuman People]. In *Ostturkische Dialektstudien* [A Study of Eastern Turkic Dialects], edited by W. Bang and J. Marquart, 25–238. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Mogil'nikov, V.A. 1981. Kimaki [Kimaks]. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages], edited by S.A. Pletneva, 43–45. Moscow: Nauka.
- Mogil'nikov, V.A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v 9–11 vekakh* [Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Németh, Gy. 1991. *A honfoglaló Magyarság kialakulása* [The Formation of the Hungarian People in the Conquest Era], edited by B. Árpád. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Nesterov, S.P. 1985. Taksonomicheskii analiz minusinskoj gruppy pogrebenii s konem [Taxonomic Analysis of the Minusinsk Group of Burials with a Horse]. In *Problemy rekonstruktsii v arkheologii* [Problems of Reconstruction in Archeology], edited by R.S. Vasil'evskii, 111–121. Novosibirsk: Nauka.
- Nesterov, S.P. 1990. *Kon' v kul'takh tiurkioazychnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia* [Horse in the Cult of the Turkic-Speaking Tribes of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.

- Ochir, A., L. Erdenebold, Ts. Odbaatar, and B. Ankhbaatar. 2008. Uiguryñ iazguurnty bunkhant bulsh [Uighur Burial Mounds]. *Arkheologiiñ suudal* [Studia Archaeologica] 26: 328–368.
- Ochir, A., T. Odbaatar, B. Ankhbaatar, and L. Erdenebold. 2010. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia. *The Silk Road* 8: 16–26.
- Ögel B. 1993. *Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar)* [Turkic Mythology (Sources and Legends with Explanations)], 1. Ankara: Türk tarih kurumu basimevi.
- Ögel, B. 1951. Şine Usu Yazıtının Tarihi Önemi [The Historical Significance of the Şine Usu Inscription]. *Bellefen* XV (59): 361–376.
- Ovchinnikova, B.B. 1984. Drevnetiurkskie zakhoroneniia v podboiakh v Tsentral'noi Tuve [Ancient Turkic Burials in the Blunders in Central Tuva]. In *Drevnii i srednevekovyi Vostok. Istoriia, filologiiia* [Ancient and Medieval East. History, Philology], edited by I.L. Kyzlasov, 215–223. Moscow: Nauka.
- Pelliot, P. 1949. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivie de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)* [Notes on the History of the Golden Horde, Followed by Some Turkic Personal Names and Names of Peoples Ending in -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)]. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Savinov, D.G. 1984. *Narody Iuzhnoi Sibiri v drevnetiurkskuiu epokhu* [Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Era]. Leningral: Izdatel'stvo LGU.
- Savinov, D.G. 2006. Potomki kokel'tsev na strazhe uigurskikh gorodishch [The Descendants of the Kokelians Guarding the Uighur Mounds]. *Arkheologiiia Yuzhnoi Sibiri* 24: 44–50.
- Schlegel, G. 1896. *Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun* [The Chinese Inscription on the Uyghur Monument in Qara Balgasun]. Helsingfors: Mémoires de la Société Finno-ougrienne.
- Senga, T. 1990. The Toquz Oghuz Problem and the Origin of the Khazars. *Journal of Asian History* 24(1): 57–69.
- Senga, T. 1997. Megjegyzések a kimekek törzsszövetségének kialakulásához [Notes on the Formation of Kimek Tribal Union]. *Antik Tanulmányok* 41 (1–2): 175–193.
- Solov'ev, A.I. 1999. Issledovaniia na mogil'nike Ust'-Choba-I na Srednei Katuni [Studies at the Ust'-Choba-I Burial Ground on Middle Katun]. *Drevnosti Altaia* 4: 123–133.
- Sümer, F. 1972. *Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları* [Oghuzs (Turkmens): A History, Tribal Composition, Legends]. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi, 1972.
- Tenishev, E.R. 1962. Etnicheskii i rodoplemennoi sostav narodnosti iuigu [Ethnic and Tribal Composition of Yugur People]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 59–66.
- Timokhin, D.M. and V.V. Tishin 2016. Khorezm, vostochnye kypchaki i Volzhskaia Bulgariia v kontse 12 — nachale 13 vv. [Khwarizm, Eastern Qipchaqs and Volga Bulgaria in the late 12th — early 13th centuries]. In *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* [Golden Horde in World History], edited by I.M. Mirgaleev, and R. Huatala, 25–41. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT.
- Varlamov, O.B. 1987. O datirovke “uigurskikh” pogrebenii Tuvy [On the Dating of the “Uighur” Burials of Tuva]. In *Problemy arkheologii stepnoi Evrazii* [Problems of Archeology of the Steppe Eurasia], edited by A.I. Martynov, 181–183. Kemerovo: Izdatel'stvo KemGU.
- Zuev, Yu.A. 2002. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays on the History and Ideology]. Almaty: Daik-Press.
- Zuev, Iu.A. 1962. Iz drevnetiurkskoi etnonimiki po kitaiskim istochnikam (boma, gui, ian'mo) [From the Old Turkic Ethnonymics Based on the Chinese Sources (boma, gui, yenmo)]. In *Voprosy istorii Kazakhstana i Vostochnogo Turkestana* [Issues of History of Kazakhstan and East Turkestan], edited by V.F. Shakhmatov, T. Zh. Shoinbaev, and V.S. Kuznetsov. Alma-Ata: Izdatel'stvo AN KazSSR, 103–122.
- Zuev, Yu.A. 2004. Kaganat se-ian'to i kimaki (k tiurkskoi etnogeografii Tsentral'noi Azii v seredine 7 v.) [Xueyentuo Qaghanate and Kimaks (on the Turkic Ethnogeography of Central Asia in the Middle of 7th Century)]. *Shygys* 2: 3–26.